

А. Д. Кузнецова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. *al.kuznetsova@hse.ru*
ORCID 0009-0002-6545-6204

ПЕРЕВОДЧИКИ С ЛАТЫНИ В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ XVII в.

Статья посвящена переводчикам с латинского языка в Посольском приказе XVII в. Показано, как изменялось количество переводчиков: от не превышающего четырех человек (за исключением эпохи Смуты) в первой половине века до восьми-девяти переводчиков начиная с 1667–1668 гг. и далее. Динамика изменения численного состава показана во взаимосвязи с использованием латыни на разных дипломатических направлениях, а также с выполнением другой переводческой работы. Обобщены сведения о происхождении переводчиков и способах их попадания в приказ. Наконец, проанализировано владение другими языками: показано, как менялись языковые пары на протяжении века, как связаны латинский и те языки, которые можно считать редкими для Посольского приказа. *Ключевые слова:* Посольский приказ, переводчики, латинский язык, XVII в., языки дипломатии

В раннее Новое время латинский язык служил *lingua franca* в Европе и даже кое-где в Азии [Waugh, Maier, p. 269]. Латынь была языком дипломатии, науки, медицины, а также католической религии, что не могло не повлиять на восприятие ее в Московском государстве. На протяжении всего XVII в. обучение латинскому языку и перевод с него вызывали споры. К примеру, опасения возникли в 1650-х гг., когда разрядный подъячий Лукьян Голосов подозревал, что изучение латыни у киевских монахов может сделать людей еретиками¹; позже добавилась полемика грекофилов и «латинян», которая касалась среди прочего возможности передачи православного учения на латыни и отношения к самому языку в целом [Успенский, с. 341–342]. Ситуация осложнялась тем, что латынь служила языком элит Речи Посполитой, перипетии отношений с которой во многом определяли политическую и культурную жизнь Московского царства в это время [Grala 2004b, s. 337].

Несмотря на споры вокруг языка, на протяжении всего века существовали люди, выполнявшие письменные и устные переводы с латыни и на нее и принадлежавшие к разным контактным группам: монахам; дворянам, получившим домашнее образование и переводившим больше для себя; довольно разношерстным по составу посольским служащим [Шамин, Янсон, с. 224]. Среди каналов, которые в условиях религиозных противостояний были проводниками европейской культуры, особенно важным являлся Посольский приказ [Киселева, Чумакова, с. 27], чьих переводчиков профессиональные ограничения касались в меньшей степени.

Основная информация по всем переводчикам собрана в коллективном труде «Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю» [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин]. Латинисты Посольского приказа рассматривались в работах, посвященных отдельным периодам: Смутное время – в работе Д. В. Лисейцева [Лисейцев], период правления Михаила Романова – в диссертации Б. А. Куненкова [Куненков 2007], период правления Алексея и Федора Романовых – в книге А. В. Белякова [Беляков], последние два десятилетия XVII в. – в статье А. Г. Гуськова и С. М. Шамина [Гуськов, Шамин]. Дополнительные сведения содержатся в большом труде И. Майер и Д. Уо о новостях в Московском государстве [Waugh, Maier] и ста-

¹ Несмотря на эти высказывания, позже Голосов переводил с латыни [Русаковский, с. 33; Успенский, с. 360].

тях о конкретных персоналиях². Наконец, использованию и восприятию латыни в Московском царстве посвящены работы Иеронима Грали [Grala 2004a; Grala 2004b]. В этой статье предпринята попытка обобщить, сопоставить и немного дополнить уже известные сведения о персональном составе и происхождении переводчиков, а также о сферах применения переводов с латыни в Посольском приказе и о владении латинистами другими языками³.

В «Материалах к словарю» переводчиков содержатся имена 38 человек⁴, которые числились посольскими переводчиками с латыни в XVII в.; к ним можно добавить минимум одного толмача. Как отмечают исследователи, среди посольских служащих первой половины XVII в. знание латыни встречалось редко; ситуация кардинально меняется к концу века [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 28–30]. Сопоставление числа латинистов в разные годы показывает, что резкое увеличение их с двух в самом начале века до девяти в 1613–1615 гг., а затем снижение до четырех человек к 1620-м гг. совпадает с колебанием состава всех посольских переводчиков: если в период 1606–1610 гг. их было 10–12 человек, то в первые годы царствования Михаила Романова (1613–1615 гг.) Д. В. Лисейцев находит упоминание 29 человек. Эта цифра постепенно уменьшается до 16 человек к 1622 г. [Лисейцев, с. 152–156]. Б. А. Куненков указывает, что в правление Михаила Романова общее число переводчиков колебалось от 18 до 26 человек [Куненков 2007, с. 20] – количество же знающих латынь в 1630-е и 1640-е гг. оставалось на уровне трех-четырех человек, из которых двое или трое служили в приграничных городах. Всего за первую половину века в Посольском приказе проработало 13 латинских переводчиков, еще двое начали службу в самом конце 1640-х гг.

В период с 1645 по 1682 г. А. В. Беляков выявил 84 переводчика, из них 58 человек – знающие западные языки [Беляков, с. 94, 97]. Всего за 1650-е и 1660-е гг. можно найти упоминания минимум 16 переводчиков и одного толмача с латыни, еще пятеро человек добавились в 1670-е гг. Активизация политики на польском направлении с 1650-х гг. приводит к увеличению латинистов до восьми-девяти человек в 1668 г.; к середине 1670-х гг. их девять человек (если учитывать работу некоторых из них и в Малороссийском, и в Посольском приказах). К 1680 г., как отмечают А. Г. Гуськов и С. М. Шамин, количество всех переводчиков Посольского приказа снижается до 22 человек и остается таким до конца десятилетия; всего же за 1680-е и 1690-е гг. в приказе проработало 13 латинистов, о многих из которых хорошо известно [Гуськов, Шамин, с. 109, 114]. Одновременно переводчиками с латыни в это время служили семь-девять человек. Таким образом, два раза за век происходило резкое увеличение числа знающих латинский язык до восьми-девяти человек; в первой половине века после Смуты это количество вскоре сократилось вдвое, а во второй половине века, после столкновения с Речью Посполитой, оно осталось на том же уровне до конца столетия, что указывает на возросшую важность переводов с латыни.

² См., например: [Белобородов 1997; Гуськов, Майер 20196; Селин 2011], а также статьи из «Словаря книжников и книжности Древней Руси» и четырех сборников к научной конференции «Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия» (см. ниже).

³ Автор благодарит Андрея Геннадьевича Гуськова за помощь с документами из РГАДА.

⁴ Определение количества посольских переводчиков, как отмечают исследователи, – задача трудная, потому что основные обобщающие документы по ним – это ведомости о выдаче жалованья, из которых в разные года могли пропадать имена переводчиков, отправленных с посольствами, «в полки» либо в другие, чаще всего приграничные, города. Все же таких переводчиков исследователи стараются по возможности учитывать в своих подсчетах [Гуськов, Шамин, с. 109]. Таким образом, опираясь на данные «Материалов к словарю», я учитывала 35 человек, числившихся в Посольском приказе, даже если они были откомандированы в другие места, и трех человек, упомянутых всего один раз (Василия Садовского, Казимира Платаревича, Яна Белобоцкого). Я исключила Моисея Арсеньева, принятого в приказ в 1700 г., Ивана Максимова, польского переводчика, о котором известно лишь, что он учил латынь, и людей, привлекавшихся к переводам, но на службе не состоявших (Ивана Дорна, Павла Менезия). В документах могут содержаться не все языки, которыми владел человек, поэтому число переводчиков в любом случае остается примерным.

Прежде чем переходить к персональному составу, необходимо понять, для чего могли потребоваться латинисты. Известно, что устные и письменные переводы с латыни служащими Посольского приказа делались как в самой в Москве, так и за ее пределами: переводчики часто входили в состав посольств, использовались в качестве гонцов, посылались «в полки», служили приставами при иностранных дипломатах, участвовали в составлении курантов, медицинских и книжных переводах. Однако важным остается вопрос, на каких направлениях использовалась латынь, особенно в первой половине века.

Период правления Алексея I отмечен увлечением царской дипломатии латынью во многом из-за переписки со Святым Престолом, однако в Тушинском лагере этот язык не использовался [Grala 2004a, s. 425]. Оживление контактов с Ватиканом после 25-летнего перерыва было внезапным поворотом в деятельности Посольского приказа и зависело, видимо, от личности самого Алексея I [Рогожин, с. 31]. В остальном, по мнению И. Грали, латынь редко использовали в Московском царстве как язык дипломатии, разве что поневоле для общения с Китаем и в период после заключения Андрусовского перемирия, когда активное вовлечение в европейскую политику и деятельность антиосманской Священной лиги потребовало привлечения разных специалистов, в том числе знающих латынь; однако к концу века она уступила место национальным языкам [Grala 2004a, s. 424–427]. Впрочем, XVII в. И. Граля описывает широкими мазками, и требуются некоторые уточнения. Латинский, наряду с немецким и в некоторых случаях польским, был языком общения с представителями Священной Римской империи [Бобылева, с. 58] и оставался им до конца века: к примеру, сохранились переводы речи гонца Ягана Гевеля и письма, присланные Эбергартом Гевелем, от 29 января 1684 г.⁵ Иван Гуданский и Семен Лаврецкий в 1676 г. переводили письма датского короля с латыни [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 108, 143]⁶, однако неясно, играл ли этот язык какую-либо роль в общении между Датским королевством и Московским царством.

Латынь стала одним из языков общения с Речью Посполитой после прихода к власти Стефана Батория, использовалась дальше и при Федоре Ивановиче, и при Борисе Годунове, хотя попытка Батория навязать латынь, как замечает К. Ю. Ерусалимский, могла быть следствием временного обострения отношений между странами. При этом в самом начале XVII в. московские и польские представители еще могли иногда понимать друг друга без переводчиков [Ерусалимский 2021, с. 54–58]. Данные второй половины века лучше свидетельствуют о потребности в латинских переводчиках для дипломатических контактов с Речью Посполитой; иногда даже приходилось нанимать людей со стороны. Для постоянной миссии Василия Тяпкина в Речи Посполитой собирались назначить Христофора Синорацкого, переводчика Аптекарского приказа, владевшего польским языком и латынью. В условиях избрания нового короля, однако, решили прислать более опытного в дипломатии Семена Лаврецкого [Домрачев 2021б, с. 31–32]. Как указывает Н. Е. Домрачев, специфика работы постоянной дипломатической миссии оказала влияние и на работу переводчиков, так что часто для работы, в том числе для перевода с латинского языка, привлекали местных, к примеру, Тяпкин привлек шляхтича Яна Моштальского, и затем эта практика «найма» переводчиков из местного православного населения продолжилась и была санкционирована Посольским приказом [Домрачев 2021б, с. 34–36].

Нанимали для латинских переводов не только шляхтичей и студентов, как в Речи Посполитой, но и купцов: миссия Петра Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. наняла купца Ивана Госенца [Waugh, Maier, p. 279], в 1681 г. Потемкину из-за конфликта с переводчиком Гивнером пришлось задействовать в переводе с латыни белгородского полковника Елизария Кро и сына

⁵ Переводы были опубликованы: [Перевод речи; Перевод письма].

⁶ Не до конца понятно, были ли эти письма изначально написаны на латыни, или именно их сперва с французского на латынь перевел Павел Менезий [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 236].

Потемкина Степана, а при дворе французского короля устный и письменный перевод на латынь выполнял бывший царский врач Лаврентий Рингубер [Манин 2025, с. 174]. В отличие от польского направления, наем переводчиков во Франции не стал постоянной практикой, и с появлением в Посольском приказе переводчиков с французского языка роль латыни в переговорах стала уменьшаться [Манин 2023, с. 228–229]. Русские посольства могли самостоятельно подготавливать документы на латинском языке для французских, а также итальянских дипломатов; например, во время миссии И. Чемоданова и А. Посникова в 1657 г. в Венецию Тимофей Топоровский сделал копию царского письма на латыни [Waugh, Maier, p. 274]. Однако, несмотря на наличие переводчика с латыни, миссиям в Италию приходилось нанимать человека, знающего итальянский [Waugh, Maier, p. 275–276].

Латынь оказалась востребована и для общения с империей Цин: ее использовало посольство Спафария, а затем она стала официальным языком для общения двух государств [Чжан Сюэфэн, с. 134–137]. Если до миссии Спафария контакты осуществлялись на монгольском (что доставляло определенные проблемы), то позднее китайская сторона сама требовала, чтобы в московских посольствах были знающие латынь [Пузанов, с. 248–249]. Наконец, наравне с греческим и итальянским латынь являлась языком, на котором велось общение с османскими министрами и составлялись дипломатические документы [Базарова, с. 14]. Ботвинкин, который в 1699–1700 гг. участвовал в посольстве в Турцию, переводил там письма и с греческого, и с латыни [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 70], а Лаврецкий в 1685 г. составлял латинский вариант грамоты великому визирю Ибрагиму-паше [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 143]. Использование латыни на других дипломатических направлениях требует дальнейшего изучения.

Если верно отождествление Андрея Итрота с Андреем Гротом⁷, то в первое десятилетие XVII в. в приказе обязанности латинских переводчиков исполняли двое – Итрот и Яков Заборовский. Они служили в Посольском приказе раньше и продолжили в Смуту: так, Яков Заборовский исполнял с 1580-х гг. роль латинского толмача и переводчика в контактах с Империей⁸. Папский легат Антонио Поссевино, побывавший в Москве в 1582 г., писал, что Заборовский, как и другой переводчик с латинского языка конца XVI в. Якуб Буковский, некоторое время назад приехал в Москву из Польши. Поссевино был недоволен их переводом, в том числе потому, что Заборовский и Буковский опускали части, неприятные русскому государю, – в первую очередь вопросы религии [Поссевино, с. 28]. Возможно, при Василии Шуйском в Посольском приказе также начал служить выходец из Галиции (?) Федор (Гвоздинский) Гозвинский, известный своими переводами басен Эзопа, стихотворных «Виршей на Езопа», жизнеописания Эзопа с древнегреческого на церковнославянский в 1607 г. и «Тропника» папы Инокентия III с польского [Grala 2004b, s. 337; Warda, s. 157]⁹.

Как следствие Смуты, количество переводчиков с латинского и одновременно польского в первые годы правления Михаила Романова резко возрастает: к Заборовскому, Гозвинскому и Итроту добавляются Тимофей Лещинский, Тимофей Луцкий, Василий Садовский, взятый в плен под Кашиным Федор Мозолевский, новокрещеный литвин¹⁰, и Александр Осеев (он вла-

⁷ Составители Словаря переводчиков считают, что Итрот может быть одним лицом с латинским переводчиком Андреем Гротом, который в 1600 г. ездил в Англию с посланником Микулиным [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 120–121]. В статье К. Ю. Ерусалимского (на основе этого?) сказано, что Итрот упоминается еще в самом конце XVI в. [Ерусалимский 2022, абзац 41].

⁸ Об участии Заборовского в контактах с Империей см.: [Бобылева, с. 52–53]. К. Ю. Ерусалимский считает, что начало карьеры Заборовского можно отнести к 1578 г. или даже чуть ранее, а среди языков, которыми тот владел, помимо латыни и польского мог быть также немецкий [Ерусалимский 2022, абзац 42].

⁹ Подробнее о Гозвинском см.: [Тарковский].

¹⁰ О Мозолевском подробнее см.: [Малов, Смирнова, с. 181–182].

дел и немецким) [Лисейцев, с. 154]. Несмотря на то что неясно, насколько активно использовалась латынь в дипломатии этого времени, они указаны в документах именно как переводчики с латинского¹¹. Кроме них, в 1614 г. в Посольский приказ поступил приехавший из Священной Римской империи Мануилов Мануил, переводчик немецкого, французского, итальянского и латинского языков [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 150; Малов, Смирнова, с. 180]. Садовский, как и Гозвинский, выделяется из всего списка литературным переводом: предположительно он мог перевести на церковнославянский «Описания вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покое содержатца и строятца»: в некоторых списках это имя (варианты – Васька Садовский / Василий Садовулин) значится как имя переводчика [Соболевский, с. 165]. Оригинал, скорее всего, представляет собой памятник неолатинской литературы [Салмина, с. 413]¹².

В 1615 г. в документах уже нет ни Заборовского с Итротом, ни Гозвинского с Садовским; Осеев тогда же бежал в Смоленск к полякам [Лисейцев, с. 364–366]. Таким образом, предположительно не остается ни самых опытных латинистов, ни тех, кто мог бы делать книжные переводы; продолжают работать четверо переводчиков: Мануилов, Лещинский, Луцкий и Мозолевский. При этом к уже имеющимся дипломатическим связям добавились первые контакты с Францией [Лисейцев, с. 30–31], для которых могла потребоваться и латынь, хотя количество знающих этот язык продолжило уменьшаться. Лещинский был казнен за измену, однако точная дата неизвестна – не раньше 1620 г., когда он принял православие, и не позже 1627/1628 г., когда на его место польским переводчиком взяли вернувшегося из плена сына боярского Ивана Бородин [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 145]¹³. Луцкий в 1621/1622 г. был отставлен за пьянство [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 146]. На освободившееся после отставки Луцкого место польского переводчика попросился, чтобы «голодную смертью не умереть», Исаак Житкой, сын боярский, годом ранее вернувшийся из 12-летнего польского плена¹⁴. Можно заметить, что в 1620-х гг. переводчиков с парой польский – латинский заменили люди со знанием только польского языка. Кроме того, на рубеже 1630-х гг. в Посольском приказе закончили службу Мануилов¹⁵ и Мозолевский [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 158; Малов, Смирнова, с. 182], так что в начале этого десятилетия состав переводчиков с латыни во многом обновился.

Место польского в паре с латинским на протяжении 1630-х и большей части 1640-х гг. занял немецкий (шведский, датский). В 1633 г. на службу в Посольский приказ поступили двое бывших военнослужащих шведской армии из рейтарского полка Самуила Хуберта: Михаил Кляштер и Матвей Вейрес. Кляштера по неизвестным нам причинам арестовали и пытали в 1638 г. [Куненков 2018, с. 95]; Вейрес прослужил до ноября 1646 г., последние десять лет проработав переводчиком в Пскове [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 76]. Приехавший из Швеции или из немецких княжеств Иванов Индрик (Андрей), переводчик латинского, датского, шведского, немецкого и греческого языков, также большую часть времени находился не в Москве: с 1626/1627 по 1631 г. он служил в Пскове, а с 1637 по 1661 г. работал в Новгороде [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 119]. Неизвестно, насколько упомянутые переводчики сталкивались непосредственно с латинскими документами. В основном для нормальной рабо-

¹¹ Заборовский, Гозвинский, Садовский, Итрот, Луцкий и Лещинский (РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 1. 1613–1617 гг. Д. 1. Л. 20).

¹² А. И. Соболевский предполагал, что оригинал мог быть на польском, хотя в заголовке одного из списков стоит «переведено с различных книг латинского языка» [Соболевский, с. 165].

¹³ О Бородине см.: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 69].

¹⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. Подробнее о Житком см.: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 115].

¹⁵ Мануилов поступил в Иноземский приказ в 1629/1630 г., на его место переводчиком французского был взят Иван Николаев (Николаев) [Малов, Смирнова, с. 180–181].

ты приграничной администрации хватало знания шведского и немецкого, но в грамотах могли встречаться и латинские термины (например, «республика»), которые вызывали проблемы у других переводчиков [Селин 2016, с. 528–529]. В июне 1647 г. переводчиком латинского, немецкого, датского и шведского был принят в приказ Адамов Иван, приехавший в Московское государство в 1637 г. из Дании для торговли и прослуживший до 1662 г.: он нанимался на службу, чтобы прокормить семью, указывая при этом на отсутствие в Посольском приказе переводчиков с латыни и итальянского. Всего он заявлял о знании семи языков: помимо уже упомянутых четырех это были итальянский, французский и голландский [Waugh, Maier, p. 203–204].

На данном фоне выделяется Богдан Лыков, поступивший в приказ в 1637 г. и прослуживший до 1647 г.: он выучил латынь и польский, проведя в плену в Речи Посполитой 16 лет. В отличие от других переводчиков этого периода, для Лыкова сохранились сведения о том, что он действительно занимался переводами с латыни, главным образом переводом «Космографии Меркатора». Предположительно Лыкова можно поместить в один ряд с уже упомянутыми Исааком Житким и Иваном Бородиным, однако его карьерный путь несколько отличался: также вернувшись из польского плена в начале 1620-х гг. (не позднее 1623 г.), он не сразу стал переводчиком, а служил в 1627–1634 гг. казначеем при суздальском архиепископе Иосифе Курцевиче и даже был арестован вместе с ним, но затем отпущен [Кошелева 2019, с. 61–62].

Любопытна и служба Ивана Максимова: он был взят как переводчик с польского, знание языка подтвердили всё те же Лыков, Житкой и Бородин. При этом имеются сведения о том, что Максимов изучал латынь у Ивана Дорна, который направлялся от австрийского императора Матиаса к персидскому шаху Аббасу и чье посольство было задержано в Ярославле в 1613 г. [Кошелева 2023, с. 199–200]. Дорн содержался под стражей как минимум до 1633 г. сперва в Костроме, затем в Перми, а в 1635 г., видимо, совсем отчаявшись, он принял православие, оказался в Москве и вместе с Лыковым переводил «Космографию Меркатора» [Кошелева 2023, с. 204–205]. Хотя он и привлекался к переводам, штатным служащим Посольского приказа Дорн не числился. В 1640/1641 г. к нему для изучения латыни направили Максимова, хотя такое целенаправленное обучение переводчика – очень редкое явление для первой половины XVII в. [Янссон 2019, с. 180]. Возможно, на фоне успешного перевода «Космографии Меркатора» Посольский приказ решил подготовить еще одного специалиста для книжных переводов. Максимов действительно переводил литературу, правда, с польского: ему принадлежит перевод «Двора цесаря турецкого» Шимона Старовольского в 1649 г.; затем он приступил к переводу «Памяти о добродетели, удаче, доблести... короля Владислава IV» Яна Горчина. Анализ перевода латинских фраз из «Двора цесаря турецкого» позволяет предположить, что латынь Максимов выучил не очень хорошо [Янссон 2019, с. 183], однако здесь стоит сказать, что проблема, возможно, не только в ученике: «Космография Меркатора» представляет собой скорее вольную переработку текста из-за скромных познаний в латыни Лыкова и Дорна [Кошелева 2019, с. 59], что нисколько не помешало ее популярности в XVII в. На этом книжные переводы с латыни в Посольском приказе на некоторое время останавливаются – возможно, одной из причин могло быть прибытие в 1649 г. в Москву могилянцев Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и других, занимавшихся в 1650-х гг. переводами с латинского на церковнославянский книг разной тематики – от космографий до анатомических трактатов – и знавших латынь лучше посольских переводчиков¹⁶.

За счет того, что часть переводчиков служили в других городах, на протяжении 1630-х и 1640-х гг. в самой Москве латинистов было один-два; постепенное их увеличение начинается в середине 1650-х гг. до восьми человек в 1667/1668 г., пропорционально увеличению

¹⁶ Подробнее о кружке Епифания Славинецкого см.: [Николенкова, с. 77–78].

числа польских переводчиков в то же время (на что повлияла сперва активизация русско-польских контактов с 1651 г., затем война с Речью Посполитой) [Беляков, с. 111–113]. В 1648 г. появился в приказе Тимофей Топоровский [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 198], названный в источниках «белорусцем»¹⁷. Три года прослужил его брат Степан Колчицкий (с 1651 по 1654 г.); после смерти Степана на его место взяли Григория Колчицкого, который с 1664 г. одновременно работал и в Малороссийском приказе¹⁸. Шляхтич Иван Жадин (Жадик), лютеранин, выехал из Польши в шведский город Штетин для «книжного учения», а затем отправился на службу к царю¹⁹, где в крещении принял имя Федор²⁰. Жалованье он получал как переводчик польского и латинского языков²¹. О Платаревиче Казимире сохранилась лишь запись о принятии на службу в 1661 г. [Беляков, с. 94]. В 1655 г. в приказ был взят переводчиком плененный годом ранее курляндец²² Василий Боуш. С 1658/1659 по 1667 г. служил Степан Щирецкий из польско-литовских пленников [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 225]. Как замечает И. Граля, в 1650-х гг. все еще не хватало квалифицированных специалистов и в 1655 г. возникли трудности с переводом латинских терминов и имен [Grala 2004b, s. 339]. В силу разных причин – смерти переводчика (Боуш), возвращения его домой (Щирецкий) – в 1666–1668 гг. (особенно в 1667–1668 гг.) вновь произошло обновление состава латинистов. Из переводчиков, взятых до 1666 г., остались только Григорий Колчицкий и поступивший в 1660 г. виленец Семен Лаврецкий²³.

Частично увеличение состава переводчиков в 1667 г. может быть связано и с масштабными планами по отправке сразу нескольких посольств под предлогом извещения европейских государей о заключении Андрусовского перемирия. Б. Н. Флоря указывает, что в мае-июне 1667 г. были спешно подготовлены документы об отправке дипломатических миссий в Священную Римскую империю, Англию и Голландию, Данию, Испанию и Францию, Пруссию и Курляндию, Швецию, а также Иран [Флоря, с. 196]. Осуществились все кроме последней, и для трех из них потребовались латинисты. Посольство в Пруссию и Курляндию возглавлял Василий Боуш – во время него он скончался [Русаковский, с. 39–40]. В Испанию и Францию, как уже упоминалось, с П. И. Потемкиным выехал Иван Госенц. Вместе с посольством ясельничего Ивана Афанасьевича Желябужского в «цесарские земли» отправился толмач польского, немецкого и латинского Федор Володек, вернувшись («к Москве приволокся») в январе 1668 г.²⁴, он есть в документах за 1667/1668–1668/1669 гг. [Беляков, с. 292].

На вторую половину 1660-х и 1670-е гг. приходится зачисление в штат нескольких шляхтичей: Ивана Гуданского (1666 г.), Стахея Гадзаловского (1667 г.), Гаврилы Болотинского (1674 г.), Ивана Васютинского (1674 г.), Степана Чижинского (1678 г.)²⁵. Виленский шляхтич Стахей Гадзаловский в своей челобитной указывал, что давно живет в Москве, но никаким чином пожалован не был, а теперь просит у государя «в посольском приказе быти в перевод-

¹⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 98.

¹⁸ О братьях Колчицких см.: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 125–127; Русаковский, с. 24].

¹⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 94.

²⁰ Там же. Л. 109.

²¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 11, 124.

²² О. В. Русаковский в предисловии к публикации перевода «Дневника переводчика» указывает, что существовало несколько версий происхождения Боуша: курляндская (в русских источниках), лифляндская и польская (в заметках иностранцев). В «Дневнике переводчика», который, как предполагает О. В. Русаковский, принадлежит Боушу, можно заметить симпатии к «полякам», однако вопрос о происхождении Боуша все еще открыт [Русаковский, с. 24–28].

²³ О Лаврецком подробнее см.: [Николаев 1993, с. 213].

²⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 8. Л. 1.

²⁵ Трое из них – Гуданский, Васютинский и Болотинский – вместе с Григорием Колчицким и Семеном Лаврецким участвовали в переводе «Великого Зерцала» с польского в 1675–1677 гг. См. подробнее о Гуданском: [Николаев 1992], о Васютинском: [Буланин 2004а], о Болотинском: [Буланин 2004б], о Гадзаловском: [Белоброва 1992а], о Чижинском: [Буланин, Николаев, с. 230; Янссон 2021]; об этих переводчиках также см.: [Гуськов, Шамин].

чиках латинского языка на Стефаново место», так как «Стефан [Степан] Щирецкой не хотя тебе великому государю служить... поехал с послами в Польшу»²⁶. Аттестовали Гадзаловского Лаврецкий и Гуданский, признав, что он и говорить, и писать умеет как по-польски, так и по-латыни²⁷. В 1666/1667 г. на русскую службу переводчиком польского и латинского поступил католик Христофор Синорацкий из смоленских мещан, оставшись работать в Смоленске²⁸. Из бывших пленных, помимо Боуша и Щирецкого, латинистами стали еще двое. В 1668 г. в Посольский приказ переводчиком немецкого и латинского (с 1679–1680 гг. – и голландского) по собственному желанию поступил Леонтий Гросс: родом из немецких земель, еще в 1656 г. он после захвата шведской крепости попал в русский плен и до 1667 г. служил боярам Морозовым [Гуськов, Майер 2019а, с. 45–46]. Позже, в 1679 г., на службу взяли Юрия Гивнера, выходца из Саксонии, которого в 1656 г. русские войска пленили в Речи Посполитой [Белоборова 19926, с. 204].

Кроме того, в 1668 г. в приказе появился Иван Тяжкогорский; есть основания полагать, что его мог пригласить, впечатлившись знанием языков, Богдан Ордин-Нащокин, двоюродный брат тогдашнего главы Посольского приказа Афанасия Ордина-Нащокина [Гуськов, Майер 2019б, с. 63]. Тяжкогорский по документам знал шесть языков: «белорусский», венгерский, латинский, польский, французский и немецкий (к списку также добавляется русский и, возможно, итальянский) [Гуськов, Майер 2019б, с. 69–70]. В 1671 г. в Москву выехал молдавский дворянин Николай Спафарий и тогда же поступил в Посольский приказ переводчиком латинского, греческого, древнегреческого и волошского языков [Белобородов 2020, с. 242–243].

Именно набранные в конце 1660-х – 1670-х гг. переводчики стали главной движущей силой книжных переводов в Посольском приказе не только с латыни, но и с польского, немецкого, французского языков²⁹. Вероятно, на выбор кандидатур переводчиков могли влиять решения Афанасия Ордина-Нащокина и Артамона Матвеева, возглавлявших Посольский приказ в 1667–1671 и 1671–1676 гг. соответственно; оба известны своей образованностью и интересом к европейским обычаям. На 1680–1690-е гг. пришелся перевод естественнонаучной и технической литературы; именно в это время выполнялись книжные переводы с латыни [Морозов, с. 108]. Иван Тяжкогорский, Леонтий Гросс и Семен Лаврецкий (под руководством Николая Спафария) в 1685 г. перевели привезенную в Москву годом ранее «Историю Эфиопии» Иова Лудольфа по личному распоряжению Василия Голицына, нового главы приказа [Лавров, с. 210]³⁰. В 1700–1701 гг. тот же Тяжкогорский вместе с Моисеем Арсеньевым, Матвеем Белецким и Николаем Спафарием перевели «Дневник» Иоганна Корба³¹. «Книга о луне» («Селенография» И. Гевелиуса) – единственный перевод, который можно с полной уверенностью приписать только Чижинскому; он начал его незадолго до поступления в приказ, а закончил только в 1681 г. Известно о его совместном с Лаврецким переводе «Нового географического учения» Адриана Моция в 1692 г., однако неясно, что за «книга Эзопа», которую он, по че-

²⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1667 г. Д. 20. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ В «Материалах к словарю» Синорацкий отнесен к шляхтичам [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 180], однако не все согласны с этим. Н. Е. Домрачев считает, что убедительных доказательств о его польском и дворянском происхождении нет, зато недавно опубликованные документы позволяют отнести переводчика к смоленским мещанам [Домрачев 2021а, с. 323]. О поступлении на службу см.: [Домрачев 2021а, с. 324].

²⁹ В «Материалах к словарю» указано, что Синорацкий в 1662 г. перевел книгу по «фармокопее» [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 180–181]. Н. Е. Домрачев полагает, что это может быть ошибка в опубликованных еще в 1882 г. документах, и книга по «фармокопее» была дана ему Аптекарским приказом (куда он поступил в марте 1670 г.) в июле 1670 г. Однако уже в сентябре того же года Синорацкий был отправлен обратно в Смоленск переводчиком к межевым судьям [Домрачев 2021а, с. 326–327]. Перевод книги, видимо, не был выполнен.

³⁰ Беловик перевода находится в РНБ: ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.IV.105. Подробнее см.: [Гуськов, Майер 2019б, с. 71–72].

³¹ Подробнее см.: [Гуськов, Майер 2019б, с. 72].

лобитной, перевел в 1683 г. [Янсзон 2021, с. 237–238]. Иногда знание латыни и европейской литературы было основой для оригинальных сочинений посольских служащих. «Описание Китая» Спафария во многом является переработкой или прямым переводом «Atlas Sinensis» итальянского иезуита М. Мартини. Проведя текстологический анализ, М. А. Момина пришла к выводу, что 75 разделов латинского атласа составляют первые 20 глав «Описания Китая», из которых главы 6–9, 16 – это точный перевод, главы 1–3, 10–15, 17 – либо перевод, либо пересказ с дополнениями, главы 4, 5, 18–20 – самостоятельное сочинение Спафария [Момина, с. 71–72].

Последние в XVII в. пополнения штата латинистов приходятся на 90-е гг., после отставки Гадзаловского (1689 г.), смерти Гивнера (1691 г.) и Гросса (1694 г.). В 1693/1694 г. взят на службу подьячий Андрей Ботвинкин, переводивший с латыни и греческого языка [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 70]. Ботвинкин некоторое время жил и учился у Спафария; по крайней мере, об этом пишет сам Спафарий в письме от 1704 г. [Белобородов 1997, с. 20–21]³². В 1693 г. в приказ поступил Лука Щуковской, прибывший двумя годами ранее из Польши в Московское государство с боярином князем М. Г. Ромодановским [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 226]. С 1694 г. служил иноземец Петр Вульф, бывший штатным переводчиком в Великом посольстве Петра I [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 95]. Наконец, в 1698 г. переводчиком стал еще один иноземец, предположительно выходец из Речи Посполитой, Иван Орешек [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 164; Болотина, с. 63]. Таким образом, несмотря на кратковременное сокращение латинистов на рубеже 1690-х гг., к началу XVIII в. в Посольском приказе их насчитывалось все так же восемь человек.

Переводчиков с латыни, хоть и в меньшем количестве, мы находим в других приказах – а иногда это перемещения одних и тех же людей. Например, в 1670-х гг. Тяжкогорский числился не за Посольским приказом, а за Малороссийским; затем был возвращен обратно [Гуськов, Майер 2019б, с. 66]. Книжник Белобоцкий Ян (в крещении – Андрей Христофорович) происходил из шляхтичей и прибыл в Москву в надежде получить место в создававшейся здесь академии [Горфункель, с. 128; Grala 2004b, п. 23]; в 1681–1682 гг. служил в Разряде, в 1682 г. был зачислен в Посольский приказ переводчиком латинского, итальянского, французского и польского, а в 1683 г., видимо, был возвращен в Разрядный приказ [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 230]. Белобоцкий участвовал в посольстве Головина в Китай (1686–1689 гг.), где приложил руку к переводу Нерчинского договора: «Таково ж письмо руки Андрея Белобоцкого написано и на латинском языке» [Русско-китайские отношения, с. 11].

Большинство всех переводчиков Посольского приказа на протяжении XVII в. – выходцы из Европы в первом-третьем поколениях; лишь несколько из них были русского происхождения [Гуськов, Шамин, с. 117]. То же верно и для латинистов. До 1630-х гг. переводчики, знавшие латынь, были в основном польского происхождения (кроме Мануила Мануилова), а в 1630-е и 1640-е гг. на их место приходят выходцы из Швеции и Дании. Единственный переводчик русского происхождения этого времени – Богдан Лыков (если считать Максимова только польским переводчиком). С конца 1640-х гг. состав меняется: вслед за «белорусцем» Топоровским и киевлянами Колчицкими вновь увеличивается количество переводчиков из

³² Там же есть указание на то, что некий Моисей (вероятнее всего – Арсеньев, учившийся у Лихудов и поступивший переводчиком латинского, греческого и итальянского в 1700 г.) также жил и учился у Спафария: «Прежде сего у меня жил Андрей Ботвинкин многие годы. Он переводил и латинские. По нем Моисей также жил и переводил, а ныне Андрей переводит. А я исправляю всегда и научаю их потому, что несовершенно учены. Я талант де не скрываю, как они сами могут о том сказать. А впредь пожалуй... вели им одним перевести, как могут. У мене уже и мочи нет, и глаза... Да пара мне в монастырь. Оставил я учеников, они могут как могут переводить, а мене, для имени Божия, свободи от того. Готов, елика сила, служить и до смерти, и так, почитай, здесь один...» (цит. по: [Белобородов 1997, с. 20]).

Речи Посполитой. Несмотря на то что их пик приходится на 1660-е гг., они поступают в приказ и в 1670-х, и в 1690-х гг. Двое служащих были выходцами из Курляндии (Боуш и Госенц), двое – бывшими пленными из немецких земель (Гросс и Гивнер). Выделяются здесь Тяжкогорский, который, по одной из версий, мог быть родом из Венгрии, Спафарий из Молдавского княжества и второй за весь век выходец из Московского царства Ботвинкин. Из-за отсутствия до конца XVII в. школ, где можно было выучить латынь, в основном переводчики русского происхождения относятся уже к началу XVIII в., например, Арсеньев Моисей из тульских посадских, который учился у братьев Лихудов и в 1700 г. поступил в Посольский приказ [Турилов, с. 112].

Из латинистов основного состава есть сведения минимум о шести шляхтичах³³; из дворян происходили также Леонтий Гросс, Семен Лаврецкий и датчанин Иван Адамов³⁴ [Беляков, с. 99]; возможно, к венгерскому дворянству относился Тяжкогорский [Гуськов, Майер 20196, с. 63]. Для 1645–1684 гг. среди не знавших латынь А. В. Беляков упоминает еще одного русского дворянина Велисара Едреновского и двух дворян-иностранцев, Ефима Фонмейснера и француза Дмитрия Дегилабова [Беляков, с. 97, 99], что показывает преобладание латинистов среди переводчиков дворянского происхождения. Минимум двое из известных нам переводчиков были до работы в Посольском приказе монахами или священниками: католическим монахом ордена св. Доминика из Польши, перешедшим в православие, являлся Семен Лаврецкий [Николаев 1993, с. 213], и католическим (или униатским) священником, судя по всему, некоторое время служил в Минске Иван Тяжкогорский [Гуськов, Майер 20196, с. 64].

Под контролем Посольского приказа находился первый русский театр [Рогожин, с. 43], чьи бывшие сотрудники также стали переводчиками: Чижинский решил, возможно, попытаться счастья на поприще перевода из-за того, что после смерти царя Алексея Михайловича театральная жизнь затихла [Буланин, Николаев, с. 230]. Через год после Чижинского в Посольский приказ пришел Гивнер, который в 1675–1676 гг. руководил придворным театром [Белоброва 19926, с. 204]. Оба имели опыт преподавания латыни и перевода: Чижинский в 1660-х гг. два года преподавал в Киевской коллегии латынь, затем два года в Смоленске учил этому языку Д. М. Голицына, а некоторое время до поступления в Посольский приказ служил переводчиком у Паисия Лигарида [Буланин, Николаев, с. 230]. Гивнер преподавал в Немецкой слободе латинский и немецкий [Белоброва 19926, с. 203].

Как уже не раз отмечалось, латынь всегда шла в паре с другими языками: польским и немецким, в меньшей степени шведским и (под конец века) голландским. Однако список ими не ограничивается. Составители «Материалов к словарю» переводчиков замечают, что для Посольского приказа XVII в. несколько языков – датский, французский, итальянский, волошский и венгерский – являются редкими [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 31]. Сюда же можно отнести и «белорусский», письменный язык восточных славян, живших на территории Речи Посполитой³⁵, – переводчиками с него числятся только владевшие парой польский – латинский (Болотинский, братья Колчицкие, Лаврецкий, Тяжкогорский, Чижинский и Щуковской). Любопытно, что из троих людей, владевших волошским³⁶ (Васютинский, Спафарий и Христофоров Константин³⁷, переводчик с греческого), двое знали латынь. То же можно отнести и к датскому: из семи переводчиков основного состава XVII в., кто владел им (Адамов, Вейрес,

³³ Семи, если считать Белобоцкого.

³⁴ О биографии Адамова подробнее см.: [Waugh, Maier, p. 203–207].

³⁵ В источниках он появляется с 1660-х гг. [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 31]. В исследовательских работах сейчас все чаще принято называть его более нейтральным «рутенский/рутэнский» (Ruthenian) [Гуськов, Майер 20196, с. 70].

³⁶ Д. Уо и И. Майер отмечают, что не до конца понятно, какой именно язык подразумевался под волошским [Waugh, Maier, p. 189].

³⁷ Подробнее см.: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 211–213].

Иванов Индрик, Кляштер, Иван Вестов³⁸, Ульф Виберх³⁹ и Игнатий Кучин⁴⁰), четверо значатся переводчиками с латыни с 1630-х до начала 1660-х гг. Пятеро человек считались переводчиками с французского: Дмитрий Дегилбов, Бажен Иванов⁴¹, Мануил Мануилов⁴², Иван Миколаев (Николаев)⁴³ и Иван Тяжкогорский. Переводчиком с итальянского по документам был всё тот же Мануилов, устным итальянским мог владеть Тяжкогорский. Как уже говорилось, Иван Адамов заявлял, что также знает французский и итальянский; оба языка значились и в документах о зачислении в приказ Яна Белобоцкого [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 230]. Возможно, итальянский выучил Топоровский: в посольстве Василия Лихачева во Флоренцию Тимофей значился как переводчик именно с итальянского, однако он умер в самом начале поездки [Waugh, Maier, p. 275]. Единственным, кто не владел латынью, но, возможно, знал итальянский, был переводчик голландского и немецкого Еремей Вестерман [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 77]. Венгерский был закреплен за Тяжкогорским, однако исследователям пока не удалось подтвердить переводы с него в Посольском приказе⁴⁴. Таким образом, в основном именно люди, владевшие латынью, и обеспечивали по необходимости перевод с редких языков, часть из которых (французский, итальянский, волошский) была родственна латинскому.

Сделанные наблюдения показывают, как менялся подход к набору переводчиков с латыни в Посольском приказе на протяжении XVII в. Эти переводчики обеспечивали взаимодействие со странами от Испании до Китая, хотя остаются вопросы о применении латыни в дипломатических переводах на каждом конкретном направлении, о выборе между латынью и «национальными» языками. Латинисты числились в приказе все время, пусть и в малом количестве в первой половине века (не считая эпохи Смуты, их постоянное число не превышало четырех человек), при этом неясно, насколько латынь действительно использовалась в дипломатической практике в 1620-х и 1630-х гг. Представляется, что потребность в переводах с латинского, обозначавшаяся особенно сильно во второй половине века, и привела к увеличению постоянного состава латинистов до восьми-девяти человек. Как следствие, латынь могла стать языком дипломатии там, где раньше не использовалась (например, Китай), в то время как на других направлениях она могла постепенно заменяться местным языком (Франция). При этом практика найма и отправки в дипломатические миссии непосольских переводчиков показывает, что латинистов все равно не хватало.

Переводчики с латыни составляли значительную часть переводчиков дворянского происхождения. В основном это были приезжие иноземцы в первом поколении, часто выходцы из Речи Посполитой. В приказе могли служить бывшие пленные, хотя они не составляли существенной доли переводчиков с латыни, работники первого русского театра, торговые люди. Некоторый уровень образования и владение другими языками, в том числе теми, которые можно считать редкими для приказа, обеспечили важность латинистов для книжных переводов. Попытки перевода книг с латинского есть на протяжении всего века, однако только с 1680-х гг. это становится частой практикой. Во многом еще не исследована проблема уровня знаний

³⁸ Переводчик в начале 1630-х гг. Владение датским и шведским языками в «Материалах к словарю» у него отмечено под вопросом [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 79].

³⁹ О Виберхе см.: [Waugh, Maier, p. 191].

⁴⁰ В «Материалах к словарю» он значится как переводчик немецкого и шведского. Происходивший из суздальских боярских детей, он в 1603 г. поехал в немецкие земли по указу Бориса Годунова для изучения немецкого, а затем в Дании выучил датский [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 137–138].

⁴¹ Бажен Иванов (Бенжамен Барон) – француз, вывезен А. И. Власевым из Империи, поступил в 1609 г. в Посольский приказ и тогда же отправлен к Делагарди в составе русской миссии; затем был в Новгороде, потом на шведской службе, а в Москву больше не возвращался. Подробнее о Бажене Иванове см.: [Селин 2011, с. 215–217].

⁴² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 201.

⁴³ Там же. Подробнее о нем см.: [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 164].

⁴⁴ Подробнее о том, какими языками владел Тяжкогорский, см.: [Гуськов, Майер 2019б, с. 69–73].

языка переводчиками, что требует тщательного сличения переводов, особенно сохранившихся черновиков, с латинскими оригиналами. Дальнейшее изучение карьер переводчиков и их работы, сопоставление этих данных со сведениями о других переводчиках, посольских и нет, может установить роль латыни в политическом и культурном развитии Московского царства.

Источники

Перевод письма, присланного Эбергартом Гевелем в Посольский приказ, с латинского языка от 1684 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 10 тт. СПб., 1862. Т. 6: С 1682 по 1686 гг. Стб. 268–277.

Перевод речи гонца Ягана Гевеля с латинского языка от 1684 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 10 тт. СПб., 1862. Т. 6: С 1682 по 1686 гг. Стб. 259–262.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.) / Пер., вступ. ст. и коммент. А. Д. Годовиковой. М., 1983. 272 с.

Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. 139 с.

Литература

Базарова Т. А. Толмачи русских дипломатов в Стамбуле в первой четверти XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2021. Вып. 2. С. 14–21.

Белобородов С. А. Деятельность Н. Г. Спафария-Милеску в России (1678–1707 гг.) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 14–27.

Белобородов С. А. Русские «службы» Н. Г. Спафария-Милеску // Диалог со временем. М., 2020. Вып. 73. С. 241–253.

Белоброва О. А. Гадзалавский (Гадзяловский) Стахий // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 191. [Белоброва 1992а]

Белоброва О. А. Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 203–204. [Белоброва 1992б]

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. 372 с.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. 304 с.

Бобылева И. Д. Роль толмачей и переводчиков во взаимодействии московских правителей с Габсбургами в конце XV – начале XVII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2025. Вып. 4. С. 41–62.

Болотина Н. Ю. Переводчик Иван Орешек – участник тайной миссии в Берлине (1700–1701 гг.) // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2025. Вып. 4. С. 63–73.

Буланин Д. М. Васютинский (Васютицкий) Иван // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 335–336. [Буланин 2004а]

Буланин Д. М. Гаврило Дорофеевич // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 347. [Буланин 2004б]

Буланин Д. М., Николаев С. И. Чижинский Степан Федорович // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 229–232.

Горфункель А. Х. Белобоцкий Ян // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 128–131.

Гуськов А. Г., Майер И. Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2019. [Вып. 1]. С. 45–53. [Гуськов, Майер 2019а]

Гуськов А. Г., Майер И. Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 62–81. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.006 [Гуськов, Майер 2019б]

Гуськов А. Г., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в 1680–1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 108–122. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.008

Домрачев Н. Е. «Дорога милостыня во время скудости...»: Новые документы о переводчике Христофоре Синорацком // Сборник статей, посвященных Юрию Дмитриевичу Рыкову (1946–2020). М., 2021. С. 317–349. [Домрачев 2021а]

- Домрачев Н. Е. Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670–1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплектовании и обязанностях // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2021. Вып. 2. С. 28–52. [Домрачев 2021б]
- Еруслимский К. Ю. Переводчики Посольского приказа на польско-литовском направлении в XVI – начале XVII в.: к вопросу о персональном составе штата и сферах деятельности // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2021. Вып. 2. С. 53–58.
- Еруслимский К. Ю. Толмачи и переводчики Посольского приказа во второй половине XVI в.: круг обязанностей, персональный состав и дипломатические направления // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 8 (118). DOI 10.18254/S207987840022599-7
- Киселева М. С., Чумакова Т. В. Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и Империей // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 22–40.
- Кошелева О. Е. Богдан Лыков (кон. XVI в. – 1648 г.) – переводчик Посольского приказа. Реконструкция биографии // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2019. [Вып. 1]. С. 59–64.
- Кошелева О. Е. Переводчик Адам (Иван) Дорн (вторая четверть XVII в.) // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2023. Вып. 3. С. 199–209.
- Куненков Б. А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. АКД. Брянск, 2007. 31 с.
- Куненков Б. А. Служащие Посольского приказа и «воровство»: обеспечение кадровой безопасности ведомства // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1 (35). С. 94–97.
- Лавров А. С. Голицын В. В. // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 207–212.
- Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. 264, [3] с.
- Малов А. В., Смирнова О. С. Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613–1621/22 гг. // Труды ИРИ РАН. М., 2021. Т. 16. С. 168–207.
- Манин Д. О. Стратегии и практики взаимодействия П. И. Потемкина с переводчиками в посольствах во Францию в 1667–1668 и 1680–1681 гг. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2023. Вып. 3. С. 222–231.
- Манин Д. О. Лаврентий Рингубер: царский врач на переводческой службе короля Франции в 1681 г. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2025. Вып. 4. С. 168–176.
- Момина М. А. Текстологическое сопоставление «Описания первые частиа вселенныя, иже именуемой Азия» Н. Г. Спафария (Милеску) и «Atlas Sinensis» М. Мартини // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 70–74.
- Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107–124.
- Николаев С. И. Гуданский Иван // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 244–245.
- Николаев С. И. Лаврецкий Семен Федорович // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 213–214.
- Николенкова Н. В. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. 2018. № 6. С. 77–91.
- Пузанов В. Д. Этнические группы и языки-посредники в Сибири конца XVI – XVII вв. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2025. Вып. 4. С. 236–251.
- Рогожин Н. М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. 432 с.
- Русаковский О. В. Дневник переводчика Посольского приказа: автор, контекст, жанр // Дневник переводчика Посольского приказа Кристофа Боуша (1654–1664). Перевод, комментарии, немецкий оригинал / Сост. и науч. ред. О. Русаковский. М., 2024. С. 11–51.
- Салмина М. А. О причинах гибели царств // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 413–414.
- Селин А. А. Новгородцы и шведы в 1611–1617 гг.: способы общения и посредники (на материалах архива Новгородской приказной избы и фонда «Сношения России со Швецией») // Средние века. 2011. Т. 72. № 3–4. С. 213–222.
- Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование. Функционирование. Наследие. Исторические очерки. СПб., 2016. 859 с.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. VIII, 460 с.
- Тарковский Р. Б. Гозвинский Федор Касьянович // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 204–207.
- Турилов А. А. Арсеньев Моисей Иванович // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 112–113.

- Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 333–367.
- Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. 448 с.
- Чжан Сюэфэн. Россия и Китай: выбор языка межгосударственного общения (конец династии Мин – начало династии Цин) // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 25–26 ноября 2008 г. Екатеринбург, 2009. С. 131–139.
- Шамин С. М., Янсон О. «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2021. Вып. 2. С. 223–229.
- Янсон О. Иван Максимов – переводчик «Двора цесаря турецкого» // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2019. [Вып. 1]. С. 179–184.
- Янсон О. Книжные переводы Степана Чижинского: проблемы атрибуции // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2021. Вып. 2. С. 237–240.
- Grala H. Łacina jako język dyplomacji: casus wczesnonowoczesnej Moskwy // Łacina jako język elit / Red. nauk. J. Axer. Warszawa, 2004. S. 421–427. [Grala 2004a]
- Grala H. Łacina jako język wrogich elit – spojrzenie z Moskwy // Łacina jako język elit / Red. nauk. J. Axer. Warszawa, 2004. S. 329–341. [Grala 2004b]
- Warda A. Refleksje teoretyczne na temat bajki ezopowej w Rosji w XVIII w. // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica. 2010. № 3. S. 157–164.
- Waugh D., Maier I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle, Uppsala, 2023. 893 p.

References

- Bazarova, T. A. Tolmachi russkikh diplomatov v Stambule v pervoi chetverti XVIII v. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2021. Iss. 2. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Beloborodov, S. A. Deyatel'nost' N. G. Spafariya-Milesku v Rossii (1678–1707 gg.). In *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 1995–1996. Ekaterinburg, 1997. Pp. 14–27. (In Russ.)
- Beloborodov, S. A. Russkie “sluzhby” N. G. Spafariya-Milesku. In *Dialog so vremenem*. Moscow, 2020. Iss. 73. Pp. 241–253. (In Russ.)
- Belobrova, O. A. Gadzhalovskii (Gadzyalovskii) Stakhii. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. P. 191. (In Russ.)
- Belobrova, O. A. Givner (Gibner) Yurii Mikhailovich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. Pp. 203–204. (In Russ.)
- Belyakov, A. V. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg. Saint Petersburg, 2017. 372 p. (In Russ.)
- Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: materialy k slovari*. Moscow, 2021. 304 p. (In Russ.)
- Bobyleva, I. D. Rol' tolmatchei i perevodchikov vo vzaimodeistvii moskovskikh pravitelei s Gabsburgami v kontse XV – nachale XVII v. In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2025. Iss. 4. Pp. 41–62. (In Russ.)
- Bolotina, N. Yu. Perevodchik Ivan Oreshok – uchastnik tajnoi missii v Berline (1700–1701 gg.). In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2025. Iss. 4. Pp. 63–73. (In Russ.)
- Bulanin, D. M. Vasyutinskii (Vasyutitskii) Ivan. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Iss. 3. Part 4. Pp. 335–336. (In Russ.)
- Bulanin, D. M. Gavril Dorofeevich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Iss. 3. Part 4. P. 347. (In Russ.)
- Bulanin, D. M., Nikolaev, S. I. Chizhinskii Stepan Fedorovich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Iss. 3. Part 4. Pp. 229–232. (In Russ.)
- Chzhan Syuefen. Rossiya i Kitai: vybor yazyka mezhgosudarstvennogo obshcheniya (konets dinastii Min – nachalo dinastii Tsin). In *Rossiia i Kitai: istoricheskii opyt vzaimodeistviya i novye grani sotrudnichestva: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 25–26 noyabrya 2008 g.* Ekaterinburg, 2009. Pp. 131–139. (In Russ.)

- Domrachev, N. E. "Doroga milostynya vo vremya skudosti...": Novye dokumenty o perevodchike Khris-tofore Sinoratskom. In *Sbornik statei, posvyashchennykh Yuriyu Dmitrievichu Rykovu (1946–2020)*. Moscow, 2021. Pp. 317–349. (In Russ.)
- Domrachev, N. E. Russkaya postoyannaya diplomaticheskaya missiya v Pol'sko-Litovskom gosudarstve v 1670–1690-e gg. i ee perevodchiki: k voprosu o komplektovanii i obyazannostyakh. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2021. Iss. 2. Pp. 28–52. (In Russ.)
- Erusalimskii, K. Yu. Perevodchiki Posol'skogo prikaza na pol'sko-litovskom napravlenii v XVI – nachale XVII v.: k voprosu o personal'nom sostave shtata i sferakh deyatel'nosti. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2021. Iss. 2. Pp. 53–58. (In Russ.)
- Erusalimskii, K. Yu. Tolmachi i perevodchiki Posol'skogo prikaza vo vtoroi polovine XVI v.: krug obyazannos-tei, personal'nyi sostav i diplomaticheskie napravleniya. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 2022. Vol. 13. Iss. 8 (118). DOI 10.18254/S207987840022599-7 (In Russ.)
- Florya, B. N. Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniya. Moscow, 2013. 448 p. (In Russ.)
- Gorfunkel', A. Kh. Belobotskii Yan. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. Pp. 128–131. (In Russ.)
- Grala, H. Łacina jako język dyplomacji: casus wczesnonowożytniej Moskwy. In *Łacina jako język elit*. Red. nauk. J. Axer. Warszawa, 2004. S. 421–427.
- Grala, H. Łacina jako język wrogich elit – spojrzenie z Moskwy. In *Łacina jako język elit*. Red. nauk. J. Axer. Warszawa, 2004. S. 329–341.
- Gus'kov, A. G., Maier, I. Novye dannye o perevodchike Posol'skogo prikaza Leontii Grosse. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2019. [Iss. 1]. Pp. 45–53. (In Russ.)
- Gus'kov, A. G., Maier, I. Yazyki i perevodchiki: o zhizni i deyatel'nosti krupneishogo poliglota Posol'skogo prikaza Ivana Tyazhkogorskogo. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 62–81. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.006 (In Russ.)
- Gus'kov, A. G., Shamin, S. M. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v 1680–1690-kh gg. In *Drevnyaya Rus'. Vo-prosy medievistiki*. 2021. No. 1 (83). Pp. 108–122. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.008 (In Russ.)
- Kiseleva, M. S., Chumakova, T. V. Vkhozhdenie Rossii v intellektual'noe prostranstvo Evropy: mezhdu Tsarstvom i Imperiei. In *Voprosy filosofii*. 2009. No. 9. Pp. 22–40. (In Russ.)
- Kosheleva, O. E. Bogdan Lykov (kon. XVI v. – 1648 g.) – perevodchik Posol'skogo prikaza. Rekonstruktsiya biografii. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2019. [Iss. 1]. Pp. 59–64. (In Russ.)
- Kosheleva, O. E. Perevodchik Adam (Ivan) Dorn (vtoraya chetvert' XVII v.). In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2023. Iss. 3. Pp. 199–209. (In Russ.)
- Kunenkov, B. A. Posol'skii prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of History. Bryansk, 2007. 31 p. (In Russ.)
- Kunenkov, B. A. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza i "vorovstvo": obespechenie kadrovoi bezopasnosti ve-domstva. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No. 1 (35). Pp. 94–97. (In Russ.)
- Lavrov, A. S. Golitsyn V. V. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. Pp. 207–212. (In Russ.)
- Liseitsev, D. V. Posol'skii prikaz v epokhu Smuty. Moscow, 2003. 264, [3] p. (In Russ.)
- Malov, A. V., Smirnova, O. S. Pozhalovaniya na Kazennom dvore perevodchikov i tolmatchei Posol'skogo pri-kaza v 1613–1621/22 gg. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk*. Moscow, 2021. Vol. 16. Pp. 168–207. (In Russ.)
- Manin, D. O. Strategii i praktiki vzaimodeistviya P. I. Potemkina s perevodchikami v posol'stvakh vo Frantsiiyu v 1667–1668 i 1680–1681 gg. In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2023. Iss. 3. Pp. 222–231. (In Russ.)
- Manin, D. O. Lavrentii Ringuber: tsarskii vrach na perevodcheskoi sluzhbe korolya Frantsii v 1681 g. In *Perev-odchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2025. Iss. 4. Pp. 168–176. (In Russ.)
- Momina, M. A. Tekstologicheskoe sopostavlenie "Opisaniya pervye chastiya vselennyya, izhe imenuemoi Aziya" N. G. Spafariya (Milesku) i "Atlas Sinensis" M. Martini. In *Voprosy teorii i istorii yazyka*. Leningrad, 1969. Pp. 70–74. (In Russ.)
- Morozov, B. N. Iz istorii russkoi perevodnoi nauchnoi i tekhnicheskoi knigi v poslednei chetverti XVII – na-chale XVIII v. (Arkhiv perevodchikov Posol'skogo prikaza). In *Sovremennye problemy knigovedeniya, knizhnoi tovgovli i propagandy knigi*. Moscow, 1983. Iss. 2. Pp. 107–124. (In Russ.)

- Nikolaev, S. I. Gudanskii Ivan. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. Pp. 244–245. (In Russ.)
- Nikolaev, S. I. Lavretskii Semen Fedorovich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1993. Iss. 3. Part 2. Pp. 213–214. (In Russ.)
- Nikolenkova, N. V. Perevodcheskaya deyatel'nost' v moskovskom Chudovom monastyre: novye dannye o kruzhek Epifaniya Slavinetskogo. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2018. No. 6. Pp. 77–91. (In Russ.)
- Puzanov, V. D. Etnicheskie gruppy i yazyki-posredniki v Sibiri kontsa XVI – XVII vv. In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2025. Iss. 4. Pp. 236–251. (In Russ.)
- Rogozhin, N. M. Posol'skii prikaz: Kolybel' rossiiskoi diplomatii. Moscow, 2003. 432 p. (In Russ.)
- Rusakovskii, O. V. Dnevnik perevodchika Posol'skogo prikaza: avtor, kontekst, zhanr. In *Dnevnik perevodchika Posol'skogo prikaza Kristofa Bousha (1654–1664). Perevod, kommentarii, nemetskii original*. Compiled and edited by O. Rusakovskii. Moscow, 2024. Pp. 11–51. (In Russ.)
- Salmina, M. A. O prichinakh gibeli tsarstv. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1993. Iss. 3. Part 2. Pp. 413–414. (In Russ.)
- Selin, A. A. Novgorodtsy i shvedy v 1611–1617 gg.: sposoby obshcheniya i posredniki (na materialakh arkhiva Novgorodskoi prikaznoi izby i fonda “Snosheniya Rossii so Shvetsiei”). In *Srednie veka*. 2011. Vol. 72. No. 3–4. Pp. 213–222. (In Russ.)
- Selin, A. A. Russko-shvedskaya granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie. Funktsionirovanie. Nasledie. Istorieskie ocherki. Saint Petersburg, 2016. 859 p. (In Russ.)
- Shamin, S. M., Yansson, O. “Kontaktnye gruppy” Moskovskogo gosudarstva. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2021. Iss. 2. Pp. 223–229. (In Russ.)
- Sobolevskii, A. I. Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy. Saint Petersburg, 1903. VIII, 460 p. (In Russ.)
- Tarkovskii, R. B. Gozvinskii Fedor Kas'yanovich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. S. 204–207. (In Russ.)
- Turilov, A. A. Arsen'ev Moisei Ivanovich. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1992. Iss. 3. Part 1. Pp. 112–113. (In Russ.)
- Uspenskii, B. A. Raskol i kul'turnyi konflikt XVII veka. In *Uspenskii, B. A. Izbrannye trudy*. Moscow, 1994. Vol. 1. Pp. 333–367. (In Russ.)
- Warda, A. Refleksje teoretyczne na temat bajki ezopowej w Rosji w XVIII w. In *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. 2010. № 3. S. 157–164.
- Wagh, D., Maier, I. Cross-Cultural Communication in Early Modern Russia: Foreign News in Context. Seattle, Uppsala, 2023. 893 p.
- Yansson, O. Ivan Maksimov – perevodchik “Dvora tsesarya turetskogo”. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2019. [Iss. 1]. Pp. 179–184. (In Russ.)
- Yansson, O. Knizhnye perevody Stepana Chizhinskogo: problemy atributsii. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2021. Iss. 2. Pp. 237–240. (In Russ.)

Alena D. Kuznetsova

National Research University “Higher School of Economics”, Saint Petersburg, Russia

LATIN TRANSLATORS OF THE AMBASSADORIAL CHANCERY IN THE 17th CENTURY

This article examines Latin translators at the Posol'skii Prikaz (Ambassadorial Chancery) in the 17th century. It shows how the number of translators fluctuated: from no more than four (except during the Time of Troubles) in the first half of the century to eight or nine translators from 1667–1668 onward. It also demonstrates how the dynamic of changes in the numbers is related to the use of Latin in various diplomatic missions, as well as to the performance of other translation work. Information on the translators' origin and the ways they started work in Chancery is summarized here. Finally, this article analyzes proficiency in other languages, demonstrating how language pairs changed over the course of the century and the relationship between Latin and languages considered rare at the Ambassadorial Chancery.

Keywords: Ambassadorial Chancery (Posol'skii Prikaz), translators, Latin, 17th century, languages of diplomacy